

**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**НАСЛЕДИЕ Н.Н. СТРАХОВА
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО**

© 2004 г. М. И. Щербакова

В статье рассматривается значимость эпистолярного и литературно-критического наследия Н.Н. Страхова для изучения ряда ключевых проблем творческой биографии Л.Н. Толстого.

The article shows the significance of Strakhov's correspondence, criticism and literary heritage for studying a number of major problems of L.N. Tolstoi's biography as an artist.

Подготовка к изданию академического Полного собрания сочинений всегда сопровождается изучением глубинных пластов архивных материалов – не только рукописного фонда художественных и публицистических произведений автора, но и очень широкого круга источников, связанных с их творческой историей. Не стало исключением и академическое в ста томах Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого. Его подготовкой занимается, под руководством чл.-корр. РАН Л.Д. Громовой, толстовская группа Отдела русской классической литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. Это выдающийся научный проект XXI века.

В связи с подготовкой академического издания заново обследуются архивы, в частности личные фонды Н.Н. Страхова в Пушкинском доме, РГАЛИ, РНБ. И, конечно, основной фонд Страхова – в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины в Киеве. В нем почти 3 тысячи ед. хр.

В истории русской культуры второй половины XIX в. Страхов – фигура заметная. Философ, публицист, литературный критик, чл.-корр. Петербургской АН, один из идеологов почвенничества, как сказано о нем в Российском Энциклопедическом словаре (М., 2000).

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов – ровесники. В 2003 г. вслед за сентябрьскими торжествами по случаю 175-летия Толстого, следовал октябрьский юбилей Страхова.

Филологическая наука ценит Страхова, прежде всего, как автора статей о Л.Н. Толстом, в особенности о “Войне и мире”, придавших книге “то высокое значение”, которое она получила уже много позднее [1, с. 857]. А также как автора статей об И.С. Тургеневе, А.С. Пушкине и других русских писателях, как первого биографа Ф.М. Достоевского. Страхов был настолько глубоким и основательным знатоком литературы, что Академия наук, присуждая премии за литературные произведения, обращалась к нему как

эксперту. Сохранились его блестящие отзывы в связи с присуждением Пушкинских премий.

Важнейший и, может быть, один из главных источников для верного понимания жизни и творчества Толстого в 1870-е годы – его переписка с Н.Н. Страховым. Десятилетие, отмеченное мучительным идейным и нравственным кризисом; исканиями, тяжелыми разочарованиями и новыми обретениями. Создавались роман “широкого дыхания” “Анна Каренина” и сложная, глубокая “Исповедь” с философскими и религиозными, нравственными и социальными вопросами. В жизни писателя не было столь непростых и, одновременно, насыщенных лет. Совершалась эволюция его эстетических взглядов, когда, в частности, выработывался ключевой художественный принцип: “надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно” [2, т. 61, с. 283].

Именно Страхов в эти годы стал ближайшим конфидентом Толстого. Ему в 1875 г. – ему одному – был отправлен первый набросок “Исповеди”. Здесь – начало создания этой книги. Точная дата (это очень важно) установлена по письму.

Переписку Толстого со Страховым составляют немногим менее 500 писем за 25 лет (1870–1895)! Толстой придавал ей особенное значение, считая отражением своей духовной биографии. В 1896 г. в связи со смертью Н.Н. Страхова В.В. Розанов написал: “Нет сомнения, лучшего друга Толстой никогда не терял” [3, с. 651].

До недавнего времени исследователи располагали по сути одним изданием этой переписки, подготовленным Б.Л. Модзалевским: журнальную публикацию в “Современном мире” повторило отдельное издание 1913 г., а затем этот же набор был использован в 1914 г. для т. II под грифом Толстовского музея. Архивные документы проясняют некоторые эпизоды из истории этого издания.

8 марта 1909 г. из Петербурга в Киев была послана телеграмма, подписанная В.И. Срезневским, А.А. Шахматовым и М.А. Стаховичем. Ад-

ресована – И.П. Матченко, мужу племянницы и наследницы Страхова. Вот ее текст: “Убедительно просим выслать Академию на имя Срезневского для выставки письма Толстого Страхову. Ручаемся не попадут в печать. Если они не у вас, укажите, где искать. Крайне нужны” [4]. Здесь же, на обороте телеграммы, карандашные наброски ответа: “Какое количество выслать, все трудно, не подобраны. Ценности должны быть возвращены”. Уже 11 марта 1909 г. И.П. Матченко отправил письма Л.Н. Толстого в Петербург. На отдельной карточке его рукой составлен реестр: сколько и за какие годы. Это именно те 75 писем Толстого, которые (только они) вошли в издание Б.Л. Модзалевского.

Вскоре по получении писем Общество Толстовского музея в Петербурге приняло решение издать переписку Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, испросив у наследника согласие на публикацию. Кроме того, в Годичном отчете за 1909 г. общему собранию Совета Общества Толстовского музея записано: “М.А. Стахович ездил в Ясную Поляну и получил согласие на издание этих писем от Л.Н. Толстого. Лев Николаевич даже взял на себя редакционный просмотр этих писем” [5, л. 7]. После смерти Толстого перепиской занялся сначала С.А. Венгеров. Но уже в июне 1911 г. Совет Общества Толстовского музея постановил передать все материалы Б.Л. Модзалевскому и “просить его подготовить их издание к осени” [6, л. 110 об.]. Но дело оказалось не таким быстрым. Письмом от 28 марта 1912 г. И.П. Матченко еще раз подтвердил, что передает Музею исключительное право на печатание переписки Толстого со Страховым [6, л. 151 об.].

В результате переговоров об издании, которые вел В.Д. Бонч-Бруевич с редакциями разных журналов, Совет Общества остановил свой выбор на “Современном мире”. “Составление примечаний взял на себя Б.Л. Модзалевский, а просмотр корректур по оригиналам – В.Н. Бенешевич” [7, с. 4].

Несомненное значение имеет запись в протоколе заседания Совета Общества от 3 декабря 1913 г. об одном из самых острых фрагментов переписки – известном письме Н.Н. Страхова о Ф.М. Достоевском, написанном 28 ноября 1883 г. и попавшем в печать по случайному недосмотру. В обсуждении вопроса о его публикации приняли участие вице-председатель Совета М.А. Стахович и члены: В.Н. Бенешевич, В.Д. Бонч-Бруевич, С.А. Венгеров, И.Я. Гинзбург, Б.Л. Модзалевский и В.И. Срезневский. Так как было известно сожаление Л.Н. Толстого, что письмо это вообще сохранилось, М.А. Стахович считал, что “Толстовское Общество, неся на себе обязанность свято исполнять желания Л.Н., должно было бы опустить это письмо в своем издании”.

С.А. Венгеров придерживался той позиции, что «теперь, когда письмо это опубликовано, затем перепечатано в газете “Речь” и сделалось, таким образом, достоянием широкой публики, пропуск его в издании не может иметь серьезного значения». Решением Совета постановили “письмо поместить, но выпустить из него две строчки” [6, л. 178].

К 175-летию со дня рождения Л.Н. Толстого вышло в свет новое и значительно дополненное издание: “Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки” в двух томах. В нем 466 писем, 1080 страниц. Составители – Л.Д. Громова и Т.Г. Никифорова; редактор – А.А. Донсков. Впервые все письма собраны вместе, выверены по источникам, восстановлены купюры, представлен расширенный комментарий. Письмо Толстого о Достоевском удалось напечатать по автографу, недавно поступившему в ГМТ.

Подлинное открытие было сделано летом 2001 г. в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины. Найдено первое, считавшееся утраченным, письмо Страхова к Толстому. Оно также включено в новое издание. Точнее, это оставшийся в архиве Страхова первоначальный автограф, который перед отправкой был переписан. Знакомый с Толстым только по художественным произведениям, Страхов писал “по праву (если такое право есть)” своего восхищения ими: «Впрочем, я должен бы уж давно благодарить Вас за себя, за то добро, которое Вы мне лично сделали, – о чем я не мог говорить в своих статьях. Вы меня подняли, оживили, прогнали ту тоску и скуку, которую начинала наводить на меня литература и моя работа в ней; Вы, может быть, придали мне сил в моих частных делах и помогли мне одолеть кое-какие тяжелые обстоятельства. Вам и автору “России и Европы” (Н.Я. Данилевскому – *М.Щ.*) я обязан тем, что после десятилетней работы для меня воочию настала новая эпоха в литературе, со всею радостью и бодростью каждой новой эпохи, с блестящими надеждами впереди. Все это прямо до Вас не касается; но я уверен, что Вы цените Ваш великий дар и потому Вам приятно будет узнать, какое действие он производит на людей, из которых многих Вы, конечно, никогда и не услышите» [8, т. I, с. 6].

Известно, и давно, что статьи Страхова создатель “Войны и мира” читал с благодарностью. Но только сейчас становится вполне ясно, что дала эта книга Страхову, после смерти Ап. Григорьева в 1864 г. ставшему ведущим литературным критиком тех лет. И на примере Страхова очень хорошо видно, чем в эту пору стал Толстой для своих современников.

Надо признать, что отзывы о Толстом газетно-журнальной критики исследованы несравненно лучше личных документальных свидетельств,

живых откликов читателей. Поэтому так важны дневники, письма, мемуары.

Подсчитано, что за свою долгую жизнь Толстой отправил разным корреспондентам более 10 тысяч писем и получил от них более 50 тысяч. Но трудно назвать даже приблизительно, сколько отзывов и суждений о Толстом содержится в переписках его современников. В этом отношении личные фонды Страхова являют собой богатейшую коллекцию.

Основные блоки эпистолярного наследия Страхова – письма к Н.Я. Гроту, В.В. Розанову, В.С. Соловьеву, Н.Я. Данилевскому – были напечатаны И.П. Матченко в историко-литературных журналах начала XX в. Однако эти публикации, как и в случае с перепиской Страхова с Толстым, требуют критического к себе отношения, а именно сверки с источниками. Сличая их с подлинниками, замечаем купюры весьма важных по смыслу мест.

Так, в письмах к Н.Я. Данилевскому (30 писем 1873–1885 гг.) Страхов не раз описывал свои посещения Ясной Поляны. В июне 1885 г. он писал: “Ясную Поляну нашел я наполненную женщинами и детьми – человек до 30-ти, и среди них двое мужчин: Л. Ник-ч и Кузминский. Такова она была и 14 лет тому назад, когда я в первый раз в нее заехал, только моложе и не так многолюдна, – много народилось с тех пор. *Это давнее время мне пришло на ум, потому что тогда она была удивительно светла и весела, а в нынешний проезд поразила меня своею пасмурностью. Внутри нет мира, нет согласия*”. (Курсивом выделено пропущенное при публикации.) *Еще одна купюра: “Очень трудно мне сказать, какой червяк проел насквозь этот сочный и красивый плод, но мне очень грустно его видеть. Л.Н., которого, разумеется, все окружающие любят и уважают, живет, как чужой в своей семье. Ну, лучше мне перестать писать об этом. Слишком серьезные разговоры и слишком серьезные письма неприличны”* [9; 10, с. 138].

Н.Н. Страхов приезжал в Ясную Поляну, “свою Мекку”, более тридцати раз, почти ежегодно, нередко и дважды в год, в течение двадцати пяти лет – с 1871 по 1895 гг. Первая встреча с Толстым доставила Страхову “минуты удивительно восторга” [8, т. I, с. 23]. И всякий раз по возвращении в Петербург его одолевала жестокая тоска, “как ребенка, – писал он, – у которого после праздников наступили будни” [11, с. 279].

О том же и в письме к Т.А. Кузминской (27 мая 1891 г.): “Если Ясная Поляна чувствует двадцатую долю того, что я к ней чувствую, то я уже счастлив”. И далее с невероятной жертвенностью: “Слава Богу, что все там благополучно, и если суждено и там быть горю, то дай Бог мне умереть прежде, чем это горе наступит” [12].

Есть еще один архивный документ, дополняющий наши знания о жизни яснополянского дома и его хозяина: записная книжка Страхова лета 1890 г. Этот пунктир зафиксированных событий также важен для исследователей: *12 июня* “Картина Н.Н. Ге”; *14 июня* “Отъезд Н.Н. Ге”; *20 июня* “Утром оживленный разговор на тему, что наука не занимается главным делом – совестью, которая в нас есть присутствие Бога”; *22 июня* “Письмо от Вильсона (32 года), назначенного преемником Ballou (Non resistant)”; *26 июня* «Утром разговор о дарвинизме с Л.Н.»; *5 июля* “разговор о том, можно ли *любить*, не изменяя образа жизни и всего строя”; *11 июля* “разговор о мерзости музыки и о ненадобности Розанова”; *12 июля* «Утром три часа продолжали говорить о славянофильстве. Я доказывал, что главное зло в учении революции и анархии. Вечером долгое рассуждение об изяществе и замужестве. “Праздная жизнь может еще найти оправдание в изяществе”» [13].

Спор о дарвинизме, за которым стоит и более общий спор с материализмом вообще; отношение к террору; подробное обсуждение нигилизма, мистицизма – всем этим живым вопросам времени посвящены многие страницы эпистолярного наследия Н.Н. Страхова. И конечно, в письмах – близкие Толстому мысли о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем; солидарность с идеями Н.Я. Данилевского о России как самобытном явлении и особом типе духовной жизни, полемические оценки выступлений Вл.С. Соловьева.

2 марта 1881 г. Н.Н. Страхов писал И.С. Аксакову: “Так вот чем кончилось это двадцатипятилетие! Вот наш прогресс, единственные вполне спелые его ягодки... <...> И все пойдет по-старому. И мы, вероятно, ничему не научимся, не поймем яснее своего положения, и классическая система по-прежнему все будет к нам прививаема и все не привьется. А рядом будут вырастать и зреть какие-нибудь ядовитые ягодки, самоубийства, политические преступления, что-нибудь чудовищное, неслыханное, так что немцы и французы будут с изумлением таращить глаза на своих учеников. О русская натура! Много в тебе сил, но ничего из тебя не выйдет. Да ведь тебе и не нужно ничего, а то бы ты уже добилась бы до цели, если бы цель у тебя была! Нигилизм есть одно из прямых твоих выражений, и тянет к нему всех, не одних недоучившихся гимназистов...” [14, лл. 11–11 об.].

Переписка Н.Н. Страхова с И.С. Аксаковым восстановлена по разрозненным архивным фондам, но пока не опубликована. И.С. Аксаков нередко говорил, что высказываться вполне умеет только на бумаге, и кто не знает его по письмам, тот очень мало его знает. В его последнем письме к Страхову 15 декабря 1885 г. есть суждения,

чрезвычайно близкие и Толстому: «Конечно, патриотизм может явиться и эгоизмом, если понятие о личности, индивидуальности перенести на народы и на отношения их между собою, – но надо сказать, что это эгоизм уже несколько другого сорта! Это уже не личный или индивидуалистический, наипакостнейший из всех, который, по устройению Божию, призван поглощаться любовью к жене, к семье, к родной земле. Вывод из всего этого один: что *нравственное* требование должно быть перенесено и на личности коллективные, с их между собою отношениями. Другими словами, что и для народов обязательна нравственность и преступен эгоизм. Так, например, английский патриотизм, проповедующий бездушие, тиранию относительно не-англичан, конечно, есть проявление племенного или государственного эгоизма. Теперь у нас завелось, с легкой руки Бисмарка, проповедовать освобождение “политики” от всяких нравственных начал, рекомендовать “политику реальных интересов” и т.п. Все это решительный вздор, и всего неуместнее в такой стране, которая называет себя Святою Русью, – которой народ еще способен одушевляться идеей освобождения христиан от мусульманского ига и приносить для этого всевозможные жертвы. Русский народ никогда не будет “политических дел мастер”, ибо у него есть живая *совесть народная*; никогда не должен *как народ* изменять требованиям высшей правды. Поэтому истинно *русский* патриотизм не может быть эгоистическим даже во втором значении этого слова, и этим отличается от патриотизма бисмарковского и английского. Нет *эгоизма* в *русском* патриотизме ни личного, ни народного. Право русского народа не есть зло, но благо» [15, лл. 69–70].

Не менее важны мысли о путях искусства. В письмах И.С. Аксакова к Н.Н. Страхову – размышления и, нередко, полемичные о Толстом-художнике и мыслителе, по поводу книг “Война и мир”, “Анна Каренина”, “В чем моя вера?”.

“Пожалуйста, имейте в виду, – писал Аксаков в июне 1885 г., – во-1-х, что никто более меня не ценит таланта Толстого и не восхищается им, хотя в то же время я нахожу, что у него *слишком много таланта* и, относительно, *не довольно – мастерства*. У него что-то вроде гипертрофии таланта, элифантизм, которым он и владеть не всегда умеет <...> Во-2-х, Боже меня сохрани заподозривать искренность внутреннего душевного движения в Толстом. Не только признаю я эту искренность, но и отношусь к ней с великим уважением, придаю его религиозному стремлению и исканию великое общественно-историческое значение: в нем сказывается свойство великого *русского* художника” [16].

В 1872 г., после “Войны и мира”, в преддверии “Анны Карениной” и в пору работы над “Азбу-

кой”, рассказами для детского чтения, для крестьянских детей, Толстой написал Страхову и даже нарисовал знаменитую параболу. “Последняя волна поэтическая – параболы, – писал Толстой, – была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, Бог даст, а Пушкинский период умер совсем, сошел на нет. <...> Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь” [8, т. I, с. 19–20].

На высшей точке параболы в автографе рядом с Пушкиным стоит имя композитора М.И. Глинки: речь шла не только о литературе, но об искусстве в целом. Верное (и полагаем – окончательное) чтение установлено при подготовке нового издания переписки Толстого и Страхова. Мысль Толстого целиком совпадает с суждениями Страхова, что “Пушкин и Глинка – это такие имена, такие светила, которых появление обещает породившему их народу неизмеримое будущее” [17, с. 264].

Толстой участвовал в “выплывании”... Но его творчество после “Исповеди” стало во многом иным: “народные рассказы”, “Власть тьмы”, “Воскресение”, трактат “Что такое искусство?”, острая публицистика. Свой последний роман он расценивал как “завещание” XX века, и сам в первые годы этого века написал “Хаджи-Мурата”. Глубокое убеждение Страхова, что русское художественное творчество стало главным достижением XIX века, явлено во всех его литературно-критических статьях. А творчество Толстого всегда рассматривалось им в исторической перспективе.

Новые материалы обнаружены и в переписке Н.Н. Страхова с П.Д. Голохвастовым. С Толстым, как известно, П.Д. Голохвастов переписывался в 1873–1876 гг. по вопросам переделки народных былин и сказок для “Азбуки”. Эти материалы вошли в Юбилейное издание. Письма Страхова, фрагментарно опубликованные лишь однажды – в 1901 г., содержат много важных суждений, прежде всего о Толстом.

1 августа 1877 г.: “Напишу Вам одно: упорство, с которым Л.Н. держится своих взглядов, есть только последовательность. Я, наконец, вполне в этом убедился, вполне понял самые взгляды и нахожу, что его можно упрекать только в одном – если он неясно или необразно их выражает. Корни его мыслей глубоко в земле, и он крепко за них держится” [18, л. 5].

8 февраля 1880 г.: “Он в сильном религиозном настроении и, кажется, в очень подавленном состоянии духа. Слишком горячи его душевные движения, и мне всегда страшно за него. Но, видно, только этой ценой достигаются те чудеса, которые он делает в литературных трудах. А его ду-

ховное настроение тоже имеет высоту и силу удивительную. К сожалению, он почему-то очень страдает” [18, лл. 22об.–23].

12 марта 1885 г.: «Скажу прямо: мне лучше молчать, чем говорить (т.е. печатать); но какой-то бес меня толкает. Мне душно среди этого мертвого молчания, которое царит в нашей Церкви и основано на невообразимой щепетильности, обнаруживающейся каждый раз, когда дело пойдет о религии. Успех Толстого, и дурной и хорошей, – только на этом и основан. Вы на него сердитесь, а на тот общий строй, от которого все зло, – не обращаете внимания. Церковь мертвет (возьмите хоть “Пастырское послание”), а ересь должна бы была возбуждать ее и приносить ей лучшую пользу, чем неверие, с которым она преспокойно обжилась. Ваше замечание насчет “Моей веры” <“В чем моя вера?”> поразило меня – оно попадает в больное место; и вообще я согласусь, что Толстой грешит бессознательно и самолюбием и славолубием. Но в корне у него искреннее, живое чувство (Далее зачеркнуто: “и только оно и подкупает, только”). На полях Н.Н. Страхов написал: “видите, как обмолвился!”), и бывает, что оно и подкупает, бывает, что только оно дает силу его проповеди. Мне известны примеры *хороших*, даже прекрасных увлечений этого рода. Вас смущают грубые выражения, Вы вспоминаете Вольтера и т.д. Но тут двойная ошибка: Толстой хотел быть *простым*, а вышел грубым (я не раз ему это говорил); а Вы и действительно простое принимаете за оскорбительное. Дело, однако, имеет глубокий смысл, и я на стороне Толстого» [18, л. 36].

Еще один малоизученный аспект темы – значение личности и трудов Н.Н. Страхова для Толстого. “Ваша внутренняя жизнь, – писал Толстой 13 июня 1895 г., – всегда меня очень интересует и представляется мне значительной очень, несмотря на внешнее ее однообразие” [8, т. II, с. 1004]. Убеденный в предназначении Страхова к чисто философской деятельности, Толстой всегда отмечал и высоко ценил главное качество Страхова, столь близкое его собственной позиции художника: “при ясности и краткости изложения мягкость, соединенная с силой: вы не зубами рвете, а мягкими, сильными лапами” [8, т. I, с. 15]. На определенном этапе Н.Н. Страхов оказался, в сущности, учителем Толстого, формировал и расширял круг его философского чтения.

Говоря о наследии Страхова, уместно сказать о масштабе, объеме материала. В отечественной периодике – 23 журналах и газетах – вышло 254 публикации; прибавим к этому 15 серьезных работ в виде предисловий и статей в коллективных сборниках. Наконец, 16 отдельно изданных трудов, дополненных 6 переизданиями.

В основной корпус литературного наследия критика входят: “Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки”, “Критические статьи. Том 1. Об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885)”, “Заметки о Пушкине и других поэтах”, “Философские очерки”, “Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк”, “Из истории литературного нигилизма. 1861–1865”, “Мир как целое. Черты из науки о природе”, “О вечных истинах. Мой спор о спиритизме” и другие труды.

И хотя попытка Страхова создать оригинальную идейно-философскую *систему* исторического бытия не удалась, видимо, по причинам не только субъективным, его философские суждения дают много для понимания философских взглядов Толстого. “Мы с ним очень похожи друг на друга нашими религиозными взглядами, – писал Толстой графине А.А. Толстой 9 февраля 1877 г., – мы оба убеждены, что философия ничего не дает, что без религии жить нельзя, а верить не можем” [2, т. 62, с. 311].

В неверии, даже еретичестве сознавался и Страхов в письме к И.С. Аксакову от 12 декабря 1884 г.: “Я еретик с известной точки зрения” [14]. (Ср. с письмом к Голохвастову от 12 марта 1885 г.: “Если Вы не знали, что и я еретик, то тут я должен в этом сознаться” [18, л. 36]). И ему же: “Сознаюсь, я мистик, я даже спешу Вам в этом признаться – так мало случаев сообщить свои мысли кому-нибудь разумеющему <...> Вы можете положить на меня, что я не перейду границы, но от Вас мне не хотелось скрывать моих мыслей. Меня очень возмущает, что писать все, что думаю, мне нельзя и что все мои вылазки будут приняты за подтверждение того, чего я не признаю. Но какое же средство выйти из этого положения? Только материалисту и атеисту можно у нас прудобно писать – все поймут; для других умственных путей у нас нет и категорий, и нет возможности народиться этим категориям. Мы величайшие недотроги, каких еще не было во всемирной истории” [18, л. 36]. Это письмо никогда не публиковалось.

Парадокс заключается в том, что восприятие современников и критиков утвердило за Страховым репутацию религиозного ортодокса. Действительно, вокруг творчества Страхова всегда бытовали противоречивые суждения и оценки, даже недоразумения. Причина – в печати “недоговоренности”, по выражению В.В. Розанова, в религиозной идее. Чувство Бога, заложенное в Страхове воспитанием и семейными традициями, вступало в противоречие с его стремлением к свободе мысли. Подчеркну, что именно это свободное отношение к Церкви так привлекло его в Толстом и сблизило с ним.

В эпоху 1860–1880-х гг., эру нигилизма, Н.Н. Страхов – одна из видных фигур в историческом развитии самосознания России, свидетель и участник принципиально важного спора нигилизма и консерватизма. Зная его воззрения, его переписку, мы можем яснее понять, на что обратить внимание в изучении наследия Толстого. Сейчас нам становится все более ясно, что антинигилистическая позиция Толстого воплотилась не только в комедии “Зараженное семейство”, но и в его великой книге – “Война и мир”. Историческое противостояние поры наполеоновских войн все больше вырисовывается как противостояние нравственное – в духе всей русской литературы, исконных ценностей нашего бытия. И как пророчество. Об этом смысле книги писал Н.Н. Страхов.

Между тем судьбу обширного литературного наследия Н.Н. Страхова трудно назвать счастливой. Скорее наоборот. При жизни критика его статьи неоднократно запрещались цензурой, после чего негласная опала длилась годы; отдельные издания предпринимались небольшими тиражами. Сочинения Страхова *никогда* не печатались в полном составе. Современные запросы науки и, в частности, академического собрания сочинений Толстого дают основания серьезно подумать о научном издании литературного наследия Н.Н. Страхова – полном по составу критических и научных статей, поэзии, прозы, дневников, писем, с исчерпывающим научным комментарием и справочным аппаратом. Ограничения идейно-политического и религиозного характера, прежде мешавшие этому, сняты. Сегодня есть возможность восстановить целостный облик остающегося в тени критика.

Страхов определял круг познания Толстого и в области естественных наук. Естественник по образованию, он в 1857 г. начал свою публицистическую деятельность в “Журнале Министерства народного просвещения” рецензиями в разделе “Новости естественных наук”. А в 1872 г., через год после выхода отдельным изданием «Критического разбора “Войны и мира”», выпустил оригинальную книгу “Мир как целое. Черты из науки о природе”. Академик К.Н. Бестужев-Рюмин так оценил этот, к сожалению, до сих пор мало известный труд: “стройный, изящный и цельный трактат о философии природы”. Превосходный анализ книги “Мир как целое” содержится в письмах Толстого Страхову и ответных пояснениях автора.

Толстой, серьезно увлеченный в 1870-е годы естественными науками – новой для него областью (главным образом в связи с работой над “Азбукой” и “Новой азбукой”) – обрел в лице Страхова сведущего и компетентного консультанта, собеседника.

Постепенно оставляя пантеистические позиции, которые заметны в его ранних работах, Страхов “научался”, по его выражению, понимать религию. Естественные науки все больше представлялись ему “как полезные в практике, как удовлетворяющие особые теоретические потребности ума и, наконец, как питающие эстетическое чувство”. Но основной элемент мирозерцания Страхова составляла не наука. Она оставалась мастерской, а храмом была гармония нравственного идеала, воплощавшегося более всего в искусстве, литературе. Справедливо отмечал Б.В. Никольский, что стремление к такому же идеалу находил Страхов в основе всей художественной деятельности Л.Н. Толстого и “в этом стремлении видел ее главное достоинство, ее главную силу” [17, с. 264]. Как выясняется, и эту проблему – отношение Толстого к естественным наукам – нельзя решить без полного знания Страхова.

Толстой безгранично доверял Страхову: ценил его способность понимать. Доверял в самом сокровенном для художника – в творчестве. Едва ли не с первых месяцев знакомства Страхов стал помощником Толстого (а с середины 1880-х гг. и С.А. Толстой [11]) в издательских делах. История очень многих толстовских изданий немыслима без понимания роли в ней Страхова: “Азбука”, “Новая азбука”, “Книги для чтения”, издание “Войны и мира” в 1873 г. в составе Сочинений, отдельное издание “Анны Карениной” (1878), том избранного в книжной серии “Русская библиотека”.

Знание материала помогает находить верные ответы. В “Анне Карениной”, например, Страхов, как сам и признавался, “сделал поправки, небольшие, но во множестве по всему роману” [18, лл. 5–6 об.]. Перед текстологами, подготавливающими текст для академического издания, сложная теоретическая и практическая проблема. Как быть с исправлениями? Нередко они выглядят удачными и необходимыми. В других случаях – чрезмерная грамматическая правильность исправлений Страхова лишает текст Толстого стилистических, языковых особенностей. Где проходит граница творческой воли автора и начинается произвольная правка редактора?

Ответы на эти и многие другие вопросы, как общего характера, так и конкретные, частные, нельзя найти без полного знания источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 томах. (Юбилейное изд.). М., 1928–1958.

3. Русское обозрение. 1896. Кн. 10.
4. ИР НБУ, ф. III, ед. хр. 19405.
5. ПД, ф. 302, оп. 4, ед. хр. 26.
6. ПД, ф. 302, оп. 4, ед. хр. 14.
7. Отчет Общества Толстовского Музея в Санкт-Петербурге. 1912–1913. СПб., 1914.
8. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: Полное собрание переписки. SRG–ГМЛНТ, 2003.
9. ИР НБУ, ф. III, ед. хр. 18998.
10. Русский вестник. 1901. № 3.
11. Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым. SRG–ГМЛНТ, 2000.
12. ОР ГМТ, ф. 25, № 159.
13. ИР НБУ, ф. I, ед. хр. 5280.
14. ПД, ф. 3, архив Аксаковых, оп. 4, ед. хр. 584.
15. ПД, ф. 3, архив Аксаковых, оп. 2, ед. хр. 55.
16. РНБ, ф. 747, архив Н.Н. Страхова, ед. хр. 5.
17. Исторический вестник. 1896, т. LXIV.
18. ПД, 11060/XVII б. 17.